

Мне проще сказать, где я не был...

Л.В. Смирнягин

Леонид Викторович Смирнягин имел полное право так говорить, уж точно про города двух его любимых стран — России и США.

Будучи профессиональным американистом-страноведом, он долгое время не имел возможности ездить в Америку и поэтому весь свой могучий темперамент пустил на экспедиции по городам России и союзных республик. Ну а путешествия по США и миру стали его книжной работой.

Подобно архитектору, лишенному возможности строить, он просиживал ночи за атласами, иностранными журналами, книгами и энциклопедиями, создавая «бумажную географию» невероятной красоты и емкости.

Он «дарил» Россию своим студентам во время полевых практик, а всей читающей публике презентовал США в книгах, очерках и статьях.

Его полевой опыт очаровывал таких харизматических интеллектуалов-урбанистов, как Вячеслав Леонидович Глазычев. Последний с восторгом присоединялся к смирнягинскому «полю» в городах Центральной России.

В конце 1980 — начале 1990-х, когда не стало железного занавеса, опыт российских полевых исследований был энергично перенесен на США, и начался американский квест длиной в десятилетие.

К тому времени уже были опубликованы очерки о США в журнале «США: экономика, политика, идеология», сотни справочных статей о городах США в Большой советской энциклопедии и напечатаны тысячи научных рефератов по урбанистике и региональной науке в реферативном журнале ВИНТИ.

Подход Смирнягина к городам был страноведческим. Его интересовал весь город: от его плана, географического положения, истории, внутреннего деления на районы до политического устройства и курьезов, связанных с местными знаменитостями. У меня сохранился составленный им список двадцати адресов в Париже, которые мы должны были обойти, чтобы полюбоваться входными дверями в стиле ар-нуво.

Политическая машина Бёрдов в Вирджинии, мафиозный Тамани Холл в Нью-Йорке, газетные битвы вокруг «Сан-Франциско кроникл», первые отели Портмана в Саванне, Овиатт тауэр со стеклянными интерьерами Рене Лалика в Лос-Анджелесе и еще великое множество сопутствующих историй составляли его американскую урбанистику.

Да что там города, он знал наизусть и мог нарисовать все 3200 округов (counties) США, сотни пригородов, и рассказать про них получше местных. Вот местечко Уихокен, затерявшееся среди нью-джерсийских пригородов Нью-Йорка, тут неподалеку вице-президент США Аарон Бёрр застрелил на дуэли отца-основателя США Александра Гамильтона, а вот Армонк, где расположена штаб-квартира IBM, а на другом конце страны, в Сан-Франциско, русская улица Гири и один из лучших музеев старинных авто где-то за Лафайетом на пути к озеру Тахо.

Его феноменальное знание географической номенклатуры и дар по памяти рисовать карты и планы стран и городов очаровали президента Ельцина и его советников, да настолько, что Леонид Викторович получил приглашение войти в Президентский совет.

Создаваемый Смирнягиным информационный поток был для него результатом искреннего увлечения и чистого удовольствия. Однако он не венчал его урбанистическую мысль, а предвосхищал ее. Теоретическая работа шла следом.

На фоне этой паганелевской эрудиции произрастала одна урбанистическая теория за другой. Тут и модель «главных потенциалов» в системе расселения, и концепция «безграничного районирования», и «идея плавающих признаков в районировании», и ставшая почти культовой исследовательская постановка «место вместо местоположения».

Чем эти теории отличались от геоурбанистического мейнстрима? Рискну предположить, что они были заряжены не только любовью к интерпретациям карт и хорологическим обобщениям, а еще и этическим потенциалом свободного человека, озабоченного идеалами сотрудничества, справедливости и свободы.

Его рукой были написаны несколько статей Конституции Российской Федерации в части федеративных отношений и местного самоуправления. Он настаивал на отделении местного самоуправления от государства, защищая право городов самим решать, какой будет структура их власти. И он победил – такая гарантия в российской Конституции есть.

Его понимание свободы и справедливости не давало административно-территориальному делению России стать основой социально-инженерной доктрины в руках бюрократа-управленца. Он раньше экономистов почувствовал несостоятельность концепции территориального хозрасчета и забил тревогу.

Страшно подумать, как он мог бы обрушиться на попытки современных политиков огосударствить городскую агломерацию.

Его концепция «безграничного районирования» полностью выбивала почву из-под ног администраторов, переполненных «собственническими инстинктами» в отношении вверенных им территорий городов и регионов.

Он выращивал третье измерение власти в России – федерализм, защищал и пропагандировал его основы, пытался увести политические дискуссии от примитивизма «властной вертикали» и создать основы культуры «сдержек и противовесов».

Городские свободы Новгорода Великого и Венеции были его историческими ориентирами, а наиболее цитируемой фразой в его последних выступлениях стал лозунг Телемского аббатства из «Гаргантюа и Пантагрюэля»: «Делай что хочешь!» Если кто-то на этом месте прицепится к радикализму формулировки, пускай отправляется в поисках чувства юмора в библиотеку за книгами Франсуа Рабле.

Он часто повторял: «Мне нечего сказать, но есть что добавить». В культуре, построенной на идеалах профессионального «эго», эта фраза могла бы показаться оскорблением или кокетством, но в исполнении Леонида Викторовича она означала нечто совершенно другое: безмерное уважение к сказанному не им самим. В ней проявлялась деликатность истинного либерала, которому важнее увидеть блеск своих идей в широком спектре подходов других авторов.

Такой же деликатной была его урбанистика. «Город – это люди» – он никому не давал выходиться и затоптать это знаменитое шекспировское восклицание. Он любил город, потому что он любил людей.

В Венеции есть большой деревянный мост у Галереи Академия, в коллекции которой хранятся картины обожаемого им Витторе Карпаччо. Когда-то давно, еще в советские годы, в Италию отправился один из его друзей, и Леонид Викторович попросил его зайти на этот мост и что-нибудь спеть. И тот пришел туда и спел.

Мы все, диаспора его почитателей, путешествующая по городам мира с его наставлениями и путевыми заметками, делаем так же. «Будешь в Барселоне, посиди на ступеньках Собора Святого Креста и Святой Евлалии, на них ведь стоял Колумб после своего возвращения из Америки, а в самом соборе крестили привезенных им из Америки индейцев», – сказал он мне поздней осенью прошлого года...

А.В. Новиков,

15 ноября 2017 г., Барселона, Собор Святого Креста и Святой Евлалии